

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ Михайлов И.А. Email: Mikhaylov1153@scientifictext.ru

*Михайлов Игорь Анатольевич - кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт философии,
Российская академия наук, г. Москва*

Аннотация: статья анализирует роль проблемы восприятия в трудах Эдмунда Гуссерля. Показано, что проблема восприятия у Гуссерля оказывается на пересечении сразу нескольких узловых тем его феноменологии: 1). Она является для философа точкой отсчета для всех познавательных актов, которые он рассматривает (образное сознание, фантазия, воображение). 2). Восприятие является важнейшим элементом для разъяснения природы истины и очевидности, а также идентичности объекта; довольно долго Гуссерль использует найденную им в 1904–1909-х гг. связку «восприятие–образное сознание–фантазия–время» в качестве инструментария для решения вопроса интерсубъективности. 3). Восприятие становится для Гуссерля также и началом разъяснения происхождения научной теории (через «внимание», «интерес»).

Ключевые слова: феноменология, феноменологическое движение, наука, теория познания, онтология, Гуссерль.

PERCEPTION IN HUSSERL'S PHENOMENOLOGY Mikhaylov I.A.

*Mikhaylov Igor Anatolyevich - PhD in Philosophy, Senior Researcher,
INSTITUTE OF PHILOSOPHY,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW*

Abstract: the article analyzes the role of the problem of perception in the writings of Edmund Husserl. It is shown that the problem of perception in Husserl is at the intersection of several key topics of his phenomenology: 1). It is for the philosopher a point of reference for all cognitive acts that he considers (figurative consciousness, fantasy, imagination). 2). Perception is an essential element for explaining the nature of truth and evidence, as well as the identity of the object; for quite a long time, Husserl uses a bundle “perception – figurative consciousness – fantasy – time consciousness” found in the 1904–1909s as a toolkit for solving the issue of intersubjectivity. 3). Perception becomes for Husserl also the beginning of an explanation of the origin of a scientific theory (through “attention” and “interest”).

Keywords: phenomenology, phenomenological movement, science, methodology, Husserl, epistemology.

УДК 167.2

Впервые гуссерлевские лекции о проблеме восприятия 1904/05 гг. были опубликованы в 2004, в XXXVIII-м томе Гуссерлианы [13]. Речь идет о лекциях, чтение которых было начато Гуссерлем в Геттингенском университете 27 октября 1904 г. Сами лекции основываются отчасти на материалах, относящихся еще к 1898 г., когда Гуссерль был приват-доцентом в Галле. Подробную разработку проблемы восприятия можно найти также в работах, непосредственно примыкающих к «Логическим исследованиям» (1900/01), а именно в лекционном курсе «Всеобщая теория познания» (1902/03), а также в лекциях лета 1904 г. «Основные элементы дескриптивной психологии познания». С той поры к проблеме восприятия Гуссерль возвращается неоднократно, как например, в лекциях под общим названием «Вещь и пространство» (летний семестр 1907) [11], см. [25], а также во второй части лекционного курса «Введение в феноменологию познания» (1909).

Наиболее очевидное продолжение разработки этой темы мы находим также в лекциях 20-х гг., в частности в «Исследования пассивного синтеза» (Речь идет о цикле лекций, которые Гуссерль неоднократно повторял, всякий раз давая им разные названия: «Трансцендентальная логика», или просто «Логика» (зимний сем. 1920/21), «Избранные феноменологические проблемы» (1923) и, наконец, «Основные проблемы логики» (1925/26), – весь этот корпус текстов распределен между следующими томами Гуссерлианы: [6]; [12]. Для обозначения той роли, которую играет восприятие для логики и феноменологии в целом Гуссерль в поздних текстах использует выражение «трансцендентальная эстетика». Восприятие, равно и как и все вообще наглядные представления является для Гуссерля «первыми фундаментальными образованиями сознания, которые важны для [выяснения] структуры специфически логического сознания» [6, S. 319]. Как отмечают издатели тома «О восприятии», лекция 1904/05 гг. отличается в трех аспектах от более поздних лекций на эту тему: 1) еще отсутствует идея трансцендентально-феноменологической редукции, обосновывающей феноменологический метод [13, S. XXIX]; 2) как и в «Логических исследованиях», понятие Я не играет особой роли; 3) отсутствует столь

важная в последующем проблематика кинестетического опыта (впрочем, первые начала кинестетического все-таки могут быть обнаружены уже и в лекциях 1904 г.).

В первую очередь, тот корпус трудов, который возникал как раз в промежутке между эпохальными трудами: «Логическими исследованиями» (1900/01) и «Идеями» (1913) с одной стороны, и между «Идеями» и «Формальной и трансцендентальной логикой» (1929) – с другой. Исследователи иногда называют эти работы также «генетической феноменологией», т.е. работами, которые исходят не из готовых, «систематических» отношений, характерных для сознания, а показывают становление, происхождение отдельных элементов этих отношений. Это и есть те самые работы о восприятии, времени, пространстве периода 1905–1910-х гг., к рассмотрению которых мы приступаем сейчас, начиная пока с проблемы восприятия, но также и их «продолжение» в 1918–1926 гг. (анализ пассивного и активного синтеза и др.) [6]; [12]. Безусловно, лекции «О вещи и пространстве» (1907 г.) есть одна из промежуточных (хотя и безусловно важных) вех на пути к зрелой фазе трансцендентальной феноменологии.

К «массированному», целенаправленному, систематическому прояснению вопросов, связанных с восприятием, Гуссерль хотя и переходит только в 1904 г., однако самые первые его разработки относятся к значительно более давнему времени – еще к началу 1890-х гг., задолго до выхода в свет «Логических исследований». Впервые в уже упоминавшихся лекциях о «Вещи» (1907) [11, S. 154 ff], а затем во второй части «Идей к чистой феноменологии...», кн. 2. Кстати, аналогичным образом обстоит дело практически со всеми принципиальными для Гуссерля проблемами: фантазии, временного сознания и даже с проблемой intersubjectivity.

Какова общая задача Гуссерля? Какова методика ее решения? Он решает фундаментальные для будущей научной теории задачи. Важнейшими проблемами оказывалось прояснение смысла, стоящего за теми понятиями, которыми без раздумий пользуется теория познания. Разумеется, не только понятий, а также и самих актов сознания, обозначаемых этими понятиями. «... Я вскоре обнаружил, – отмечает Гуссерль, – что не только педагогические, но также и содержательные мотивы требуют подробной разработки простых, лежащих в самой основе интеллективных актов. Я имею в виду те феномены, которые хорошо известны по расплывчатым обозначениями “восприятие”, “ощущение”, “представление фантазии”, “образное представление”, “воспоминание”, и вместе с тем еще слишком мало исследованы научно» [13, S. 3. Итак, это занятие может быть названо «феноменологией интеллекта», и перед его началом «... у нас уже есть определенные знания и определенные понятия переживаний различного рода, в которых осуществляется интеллективная деятельность, на которые она опирается или которую они составляют – в зависимости от того, понимаем ли мы ее в узком или широком смысле. Такие понятия как представление, суждение, умозаключение и т.п. имеют достаточный для наших практических целей смысл...» [13, S. 6].

Поначалу «мы можем вполне спокойно оперировать этими пока еще расплывчатыми понятиями, если только тем самым не совершается никаких допущений...». Однако дальнейший метод заключается в том, что мы «пытаемся найти сущностные линии демаркации, которые разделяют соответствующие типы переживаний». Это происходит, когда мы вычленим «сущностные особенности», характеризующие каждый из типов. Сравнение с группами других переживаний, поэтому, всегда «полезно и необходимо».

Восприятие как центральная проблема феноменологии Гуссерля

Тезис, заключенный в заголовке, нуждается в отдельном обосновании, которое возможно в полной мере лишь с привлечением других феноменологических тем – восприятия и времени. Пока что ограничимся краткими указаниями на то, какое влияние имел анализ проблем, начатый в 1904-05 гг. Лекции Гуссерля в значительной мере определили тематику многих исследователей. Так, уже в 1909 г. Вильгельм Шапп защищает диссертацию по «Феноменологии восприятия» где в т.ч. использует терминологические находки Гуссерля [22]. В какой мере исследования феноменологов той поры оказали влияние на К. Ясперса, посылавшего Гуссерлю свою работу «К анализу обманчивых восприятий. Телесная данность и суждение о реальности», остается не вполне ясно, однако ее тематика напрямую пересекается с лекциями Гуссерля 1904 г. Ландгребе полагает, что гуссерлевские лекции о восприятии имели для феноменологии важное «школообразующее» значение [21, S. 19]; [23, P. 1971: 743], повлияв на Теодора Конрада, Хедвиг Конрад-Мартиус, Давида Каца [19, S. 51–76]; [20].

Что – помимо традиционной системы понятий теории познания – мотивирует Гуссерля к избранному им началу рассмотрения теоретико-познавательных вопросов с восприятия? Каковы особенности новой комплексной проблематики, к которой переходит Гуссерль в 1904–1907 гг. Как в 1904 г. он обосновывает начало своих исследований в рамках феноменологии теории познания? Начиная свой проект критики теории познания, Гуссерль не может брать в качестве ориентира ничего другого кроме уже сложившейся структуры философской понятийности (и это значит, что ориентироваться ему приходится поначалу на наиболее «элементарные» и «традиционные» разделы теории познания: восприятие, ощущение и т.п.) и поскольку, далее, «недогматизм» феноменологии не позволяет отталкиваться от неких уже имеющихся теорий высокой степени общности, удобным началом для

исследования теоретико-познавательных вопросов становится восприятие: «...Восприятие есть достаточно простое понятие, достаточно простое, чтобы мы могли начать наш анализ с него» [13, S. 7].

Это начинание феноменологического анализа с восприятия сохраняется в качестве принципа также и в последующем, в текстах, относящихся уже ко времени завершения работы над «Идеями». Восприятие по-прежнему остается центральным моментом в «более широком горизонте сравнения, который изначально должен у нас иметься, для того, чтобы иметь возможность шаг за шагом подвергнуть сущностному исследованию каждый из этих родов созерцания (которые открывают свои сущностные особенности лишь в контрасте с смежными формами)». Таким образом, другие, близко-родственные феномены, такие как иллюзии, выявленные в качестве таковых, воспринятое и вспомненное с сомнением (*Zweifelswahrnehmungen, Zweifelserinnerungen*) и т.п. мы будем использовать в этом смысле и *позднее* исследовать как самостоятельную проблему» (XXXVIII: 332*). «По внутренним причинам нам надлежит начать более подробное рассмотрение с восприятия как с “изначального” рода сознания этого ряда... Другие роды сознания мы будем привлекать *поначалу* лишь для указанной цели контраста, чтобы вскоре сделать самостоятельной целью исследований» (Там же)**. Гуссерль пытается таким образом избежать впечатления, будто «восприятие пребывает в изоляции и должно оставаться вне всякой связи с каким-либо знанием» [13, S. 333].

1. В соответствии с представленной еще в первом томе «Логических исследований» линией исследования, предполагающей не только теоретическое опровержение релятивизма и психологизма, но и практическое построение основ новой фундаментальной дисциплины таким образом, чтобы ни одна крупница частно-конкретного не была использована в аргументационной структуре этой дисциплины, Гуссерль методично очищает анализируемую им сферу опыта от всего, что могло бы дать малейший повод к использованию фактического. То, как Гуссерль реализует эту вторую, позитивно-критическую часть работы, лучше всего иллюстрирует т.н. первое «Логическое исследование» *второго* тома указанной работы. В нем «значение» последовательно освобождается сначала от привязки сначала к фактическому (физическому) носителю (знаку), затем о коммуникативной сферы (реального человеческого общения), далее от любых форм наглядности, которая ему может сопутствовать и т.д. (Ниа XIX: 30–110). В отношении восприятия это предполагает в первую очередь разрешение проблемы двойственности, обычно с ним связанной: восприятие есть двойственное, относительное выражение – оно, с одной стороны, обозначает переживание воспринимающего Я. С другой стороны, оно относится к воспринятому объекту [13, S. 8; 13]. Двойственность, впрочем, преодолевается без особых затруднений, она объявляется мнимой: переживание *и есть* восприятие; а его объект нельзя считать чем-то от него отличным. «Обнаружение объекта есть ни что иное как лишь другое выражение для *в о с п р и я т и я* <как процесса>, а восприятие не может заключаться в том, что в нем или наряду с ним имелось бы нечто второе вроде объекта, например дом, который воспринимается» [13, S. 10]. Для терминологического разведения различных моментов восприятия Гуссерль может воспользоваться введенным им в «Логических исследованиях» различием «реальным» и «реальным» (*reel*) [3, S. 356 f.]. Столь же предсказуемо, что далее будет предложено различие «реального (*reel*)» и «интенционального» содержания восприятия. Именно этот второй аспект интересует Гуссерля прежде всего. В специфике того интенционального отношения, которым характеризуется восприятие как акт сознания, он надеется обнаружить своеобразное восприятие по отношению к таким очевидно родственным переживаниям как представления фантазии или памяти. Отношение к сознанию в качестве такой черты выступать не может, т.к. «отношение к Я везде одно и то же» [13, S. 8–9]. «Интенциональное отношение принадлежит к сущности акта; а значит для сущностно различных актов [должно быть] характерно также и сущностно различное интенциональное отношение» [13, S. 13].

2. Следующим и, по сути, самым главным вопросом становится *природа восприятия*. Есть ли некая черта, которая позволила бы нам однозначно отделить его от всех других форм, обыкновенно исследуемых теорией познания? Этот вопрос также не вызывает у Гуссерля особых затруднений. Искомая специфика обнаруживается в том, что «в восприятии объект является как самолично, во плоти данный» [13, S. 9; 13].

Итак, своеобразие отыскивается в том, что объект присутствует «сам» (*Selbst da*), «самолично» (*in eigener Person*), в том, что в восприятии объект «присутствует сам» (*selbst gegenwärtig*) и именно в качестве такого схватывается сознанием. Пожалуй, именно здесь мы впервые встречаем один из наиболее известных терминов Гуссерля: “*Leibhaftigkeit*”, «телесная живость»***. Первоначально он используется для характеристики восприятия в его отличии от других форм данности объектов, и еще не применяется для разработки проблем интерсубъективности. По свидетельству самого Гуссерля, начиная с лекций 1904 года, термины «телесная данность», «явленность во плоти» сохраняются для иллюстрации «принципиальной черты восприятия». Продолжая рассмотрение восприятия как познавательного акта, Гуссерль отмечает еще одну важнейшую его особенность: «Для восприятия в обыденном смысле характерно не только то, что предмет является “во плоти» (*leibhaft*), но также и сопровождается “верой”, [“достоверностью” своего бытия]» (*glaubhaft*) [13, S. 13].

Сопоставление *leibhaft* и *glaubhaft* крайне важно. Гуссерль надеется найти здесь своего рода архимедову (Декартову) точку опоры. По всей видимости, этот ход был обдуман им значительно ранее. В лекциях по теории познания Гуссерль специально обращает внимание на проблему несомненности *cogitatio* в связи с Декартом, предлагая важное дополнение: несомненность присуща не самому *cogitatio* именно его *восприятию*: «...несомненная достоверность бытия (*des Daseins*) принадлежит не самим переживаниям *cogitatio*, а – *perceptiones*, т.е. восприятиям этих переживаний» [14]. Итак, истинным источником познания может служить не сомнение, а очевидность, достоверность.

3. Определив восприятие как самоданность интенционального предмета, его «во-плоти-явленность», Гуссерль наметил также и последующую возможность разграничения этой познавательной формы от других.

3.1. Одно из первых, что в этой связи отмечает Гуссерль, является проблема, исследование которой он отложит на максимально долгий срок. Она связана с категориальной оформленностью того, что дано нам в восприятии. Явленное нам в восприятии дано прежде всего *допредикативно*. Иначе говоря, все, что мы можем сказать о явленном нам предмете – мы говорим *потом*.

3.2. Другой очевидной проблемой является то, что мы имеем *различные* воспринимаемые явления, тогда как в восприятии дан все-таки «один», вполне определенный предмет: «воспринятое как таковое есть не только “предметное”, но также и индивидуально сущее» [13, S. 15, 30, 334], у нас присутствует сознание *идентичности* воспринимаемого. В данном случае речь идет более, чем просто об идентичности предмета. Эта особенность восприятия позволит впоследствии связать его с проблемами эйдетики, усмотрения сущности. «Восприятие и индивидуальное бытие с точки зрения рода (*gattungsmäßig*) суть корреляты. Описывать воспринятое как таковое, в предельной всеобщности, в соответствии с сущностным анализом (*Wesenslehre*) означает описывать индивидуальность как таковую, выявлять ее априорную, родовую сущность» [13, S. 335].

3.3. В лекциях о восприятии мы вновь сталкиваемся с одной особенностью мышления Гуссерля и использования им языка феноменологического описания. Все термины и определения сохраняются у него в качестве «действенных», «значащих» – так сказать, «живут», подобно иным элементарным частицам, – довольно ограниченный период времени. Едва только обосновав своеобразие восприятия как *самоданности*, Гуссерль, продолжая свой анализ, очень скоро вводит разграничение, которое, казалось бы, идет вразрез с изначальным определением восприятия. Он разделяет то, что воспринимается «собственно», и – «несобственно», неадекватно, т.е. *не*-воспринимается. В первой книге «Идей» это станет основой для тезиса о принципиально неадекватном характере внешнего восприятия – тезис не специфичный для феноменологии, поскольку примерно та же аргументация используется, например, В. Дильтеем [18, S. 170 ff.] и может быть прослежена в более ранних построениях немецкого идеализма. Терминологическое различие адекватности/неадекватности для Гуссерля необычайно важно, поскольку позволяет ему разграничивать «надежный» и «ненадежный» опыт. Что же мы, *собственно*, видим? Излюбленный пример здесь – восприятие любого физического объекта (в лекциях 1904 г. Гуссерль использует пример кубика) (XXXVIII: 26 ff).

Созерцая некий предмет – *для простоты* предлагается представить, что как сам наблюдаемый объект, так и субъект, его наблюдающий, остаются неподвижны – мы ведь всегда видим лишь его *часть* – переднюю, фронтальную часть (возможно, дополняемую еще двумя другими его сторонами), но никогда – весь его целиком. «Лишь часть предметных определенностей, лишь одна “сторона предмета” достигает чистого восприятия» [13, S. 41]. Разумеется, мы можем повернуть предмет, чтобы рассмотреть другие его части. Однако и в этом случае наше восприятие останется ограниченным. С точки зрения общей психологии восприятия, данная констатация довольно тривиальна. Однако важны следствия, которые Гуссерль делает для закономерностей восприятия: а) в нашем восприятии всегда интендированно *больше* того, что попадает в восприятие в собственном смысле слова; б) эти определенности, конечно, «больше» нашего восприятия, они в нем на самом деле *не* содержатся, они выходят за его пределы – однако это не значит, что мы можем их «отмыслить» так, чтобы при этом не пострадала бы целостность, *естественность* нашего восприятия; кроме того, сами эти «дополнения» мы не можем представить в качестве изолированных от «целостного» восприятия [13, S. 35]. Конечно, и здесь Гуссерль не забывает отметить, что, с одной стороны, восприятие как «несобственная» презентация непременно основывается на презентации «собственной» [13, S.: 36]. С другой же, он никак не желает, чтобы «несобственное» было отсечено как «несущественное» или «не важное»: «в случае несобственной презентации мы все же с полным правом говорим о презентации»; имеет место *постоянное взаимопроникновение* собственной и несобственной презентации (Ibid. S. 37. – курсив мой. – И.М.).

Все это делает необходимым анализ восприятия в его комплексности, хотя и при постоянном учете всех других аспектов, составляющих его определенность: как собственно перцептивных, так и символических компонент, потому что лишь в их соединении мы приближаемся, так сказать, к «цели восприятия» как максимально полного (Ibid. S. 48, 50). Идею о сопричастии во всяком восприятии

некоего фона, принципиального для этого конкретного восприятия, Гуссерль иллюстрирует следующим рисунком.

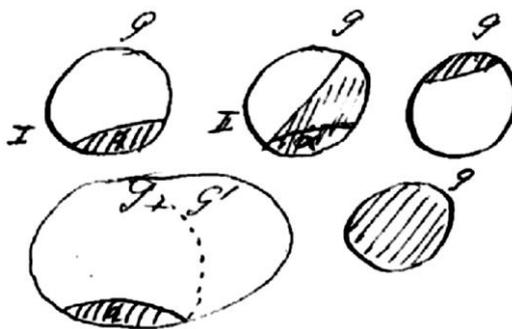

Рис. 1. Различия полноты восприятия [13, S. 42]

Заштрихованные области шарика схематично изображают «полноту» восприятия; объект слева внизу рисунка должен показать, что в нашем восприятии, помимо собственно воспринимаемого, всегда есть также и некоторая доля символического содержания, *дополняющего* наше восприятие. Это позволяет нам сделать некоторые другие выводы. Восприятие как единство «собственно» (т.е. прямо, непосредственно) и несобственно воспринятого есть, как выражается Гуссерль, смесь «совершенного и несовершенного» [8, S. 433 f.] всегда включает в себе отчетливо и не-отчетливо воспринятое, указывая, кроме того, и в направлении других предметов. Актуально воспринимаемое «отчасти пронизано, отчасти же окружено неясно сознаваемым горизонтом неопределенной действительности» [15, с. 90].

Восприятие и другие акты сознания

3.4. Восприятие, далее, всегда присутствует в некоторой *взаимосвязи* других актов сознания, изолировать от которой его можно только не определенной долей условности. С одним и тем же восприятием может переплетаться не только самое различное переменчивое знание, но и сознание вообще. Изменчивые его уровни могут наслаиваться друг на друга – например, эстетическая оценка, оценка в качестве полезного и т.д. Благодаря тому воспринятое может быть одновременно также и объектом знания, объектом ценностного суждения и т.д., и его рассмотрение принадлежало бы феноменологии уровней, находящихся друг над другом [13, S. 333].

Если с точки зрения этой комплексности вернуться теперь к проблеме того, *что*, собственно, воспринимается (3.3), а также того, в каком смысле мы можем говорить, что воспринимается все-таки не просто некая совокупность линий и цветовых пятен, а именно индивидуальный предмет (3.2.), мы поймем, в каком смысле начальная характеристика восприятия как самоданности прекрасно согласуется с последующим обнаружением *условного, ограниченного* характера этой данности, что хотя мы и говорим о «восприятии» предмета, «по настоящему» он все-таки не воспринимаем. Следует обратить внимание еще на одну линию, которая в 1905-м году потребует от Гуссерля отдельной проработки. Когда мы говорим о том, что воспринимается именно индивидуальный предмет, мы можем подразумевать некоторый «синтез», уже осуществленный нашим сознанием. Но можем обратить внимание и на то, что этот синтез имеет *временной* характер.

3.5. *Время в контексте восприятия.* Сказанное о восприятии могло показать особую динамику гуссерлевского анализа, а именно условность и предварительность любых используемых определений и характеристик, постоянное уточнение «увиденного» на предыдущих стадиях. В полной мере это касается и временного характера восприятия. Начав говорить о восприятии в его «единичности», мы допускали определенное упрощение. Как правило, восприятие встроено как звено в последовательность других восприятий, в их непрерывный синтез. То, что мы называем восприятием, есть как правило, временная последовательность феноменологически различаемых, но постоянно между собой связанных восприятий. «Одно» восприятие – условность нашей речи, о чем-то подобном можно говорить лишь в некоторых довольно редких случаях (увиденный при вспышке молнии предмет) [13, S. 43 ff].

Как только мы признаем текуче-изменчивую природу любого восприятия и поймем, что даже в наиболее простых случаях (неподвижный объект восприятия и также неподвижный воспринимаемый объект) мы сталкиваемся с необходимостью анализировать этот акт временную последовательность. Она есть результат определенного синтеза, конструирования, и природу (механизмы) этого конструирования необходимо прояснять отдельно: «воспринятое как таковое есть не только “предметное”, но также и индивидуально сущее. Это значит: оно есть временное бытие, а именно бытие как единство наполненной длительности» [13, S. 334]. Проблема длительности имеет отношение и к вопросу о «свойствах» (воспринимаемой) вещи: качества этого единства есть единства *длительности* [13, S. 334]. “Предмет”, поясняет Гуссерль «с необходимостью означает длящееся во времени бытие со всеми его описанными определениями и различиями, единое субъектное бытие (Subjektsein) единых качеств...» [13, S. 336].

Завершая рассмотрение места восприятия в ранней феноменологии Гуссерля, следует отметить несколько существенных для феноменологической программы обстоятельств: (1). Условность, «операциональный» характер феноменологического анализа и в связи с этим... (2). Непродуктивность использования его отдельных «результатов» вне контекста, в котором они были обнаружены. Полагаю, именно эта особенность приведет Гуссерля к известному «принципу принципов» феноменологии: «...все, что предлагается нам в “интуиции” из самого первоисточника (так сказать, в своей настоящей живой действительности), нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает». [15, с. 80 <§ 24>].

(3). Фактически уже здесь, в анализе восприятия, Гуссерль начинает выстраивать особый мир сознания, т.е. располагать, связывать различные его акты в некоторую живую целостность, «живущую» по своим, особым закономерностям. Это наблюдение можно выразить и иначе. Гуссерль стремится описать работу сознания как она осуществляется «сама по себе», происходит «в любом случае», т.е. без эксплицитного участия субъекта (наиболее заметно это становится в лекциях о времени). Тем самым фактически уже Гуссерль начинает строить онтологию сознания. (4). Восприятие выполняет роль методологически-архимедовой точки не только для гуссерлевской феноменологии в целом, но и в качестве той исходной познавательной формы, от которой и по отношению к которой определяются другие формы познавательной деятельности. Так, напр., **образное сознание** – можно назвать не-самодающим «восприятием». Здесь отсутствует элемент “leiblich da”, «явленности во плоти»: мы нечто «видим», однако то, что видим, не находится перед нами «само». **Фантазия** же может быть (условно) названа таким «восприятием», при котором мы «не верим», что объект действительно перед нами. Именно в этом смысле он «нереален» (nicht glaubhaft da). **Временное сознание** при этом – «уже-не-восприятие». Оно есть либо первичная память («удержание», ретенция), либо повторное воспроизведение. (5). На всем протяжении развития своей феноменологии, Гуссерль может обращаться к проблеме восприятия, предлагая иные варианты терминологии. Однако при этом речь будет идти все о тех же проблемах, которые он начал впервые систематически разрабатывать именно в 1904 г. Так, например, восприятие у Гуссерля есть то, что со времен Лейбница называли «перцепцией». Восприятие, как само-данность, явленность «во плоти» есть, далее — **презентация**. **Аппрезентация** — делание со-актуальным (Mitgegenwärtig machen) чего-то, что «актуально» отсутствует (nicht gegenwärtig ist)****. (6). Теория восприятия еще, конечно, очень далека от теории **очевидности**, которую Гуссерль предложит в первой книге «Идей». Однако отделяя в том произведении очевидность от «чувства», будто бы сопровождающего созерцания или представления и их, так сказать, «окрашивающего», он говорит об очевидности в выражениях, позволяющих считать ее эквивалентом «полного» восприятия: очевидность характеризуется как *ступень ясности*, на которой осознаваемый мною предмет является «как таковой», «из себя самого» полностью наглядным образом. Когда предмет таким образом полностью «наглядно дан», мы можем говорить об «адекватной очевидности» [15, с. 97, 429 <§ 21, § 138>]. Как и восприятие, очевидность – «динамическое» понятие.

(7). Отметим еще раз принципиальность методического разграничения двух модусов: собственного и несобственного. В той мере, в какой Гуссерль сохраняет изначальные задачи своей философии на протяжении всего своего развития, это разграничение будет иметь для него фундаментальный статус. «Собственное», дающее нечто «как оно само», «во плоти» будет важно как подтверждение возможности истинного опыта. Несобственное, косвенно необходимо для того, чтобы отразить реальное многообразие человеческого процесса познания. Показательными в этом отношении настойчивые попытки Гуссерля решить проблему восприятия другого человека и его телесности с помощью механики рассмотренных им актов сознания. Можем ли мы сказать, что «видим» («воспринимаем») другого человека «изначально»? Ведь этом человеку всегда есть неотъемлемая часть – «душа», «психика» – которую нам «не видно». Мы ее угадываем, о ней заключаем косвенно. [7, S. 47, 53]. На протяжении достаточно долгого времени Гуссерль примеряет на эту роль особого восприятия заимствованное у Т. Липпса понятие вчувствования, пока (к 1914–15 гг.) не убеждается в ошибочности этого подхода.

Восприятие как модель для понимания истины

Для Гуссерля восприятие есть «изначальный модус созерцания» (Urmodus der Anschauung), который являет себя в как самоданность [2, S. 107]. Его задача – презентация. Выполняя эту задачу, восприятие дает предмет в его телесной живости [1, S. 90] / [15, с. 130], [15, с. 30], созерцаемое присутствует как оригинал [2, S. 107], присутствующий перед наблюдателем.

В восприятии предмет дан, конечно же, через явления. Действительно данное нам (видимая сторона объекта) отчетливо отделима от того, что мы лишь подразумеваем (к примеру, невидимые стороны объекта). Поскольку восприятие есть акт сознания, его структуру определяет взаимодействие двух сторон, интенции значения и интенции осуществления ее полноты. Первая интенция означает, что восприятие почти всегда «осмысленно»: мы видим всегда *нечто* [15, с. 73], в нашем сознании происходит *идентификация* видимого нами предмета как именно этого [15, с. 125]. Вторая интенция означает, что для всякого подразумеваемого и ожидаемого мы обыкновенно ищем «подтверждение». Мы

стремимся «наполнить» наглядностью изначально «пустой» смысл. Именно с этим наполнением связаны элементы образности, которые не являются смыслообразующими, но оттого не становятся менее значимыми для теории познания, поскольку как раз в них проявляется то, что мы называем **истиной**. «Подлинное *aedquatio rei et intellectus*, – замечает Гуссерль, – возникает там, где интенция представления достигла благодаря совершенному восприятию своего последнего наполнения: предметное увидено как именно то, что было интендировано...» [4, S. 647]. При достижении подобной полноты восприятие как бы перестает быть «всего лишь представителем» того, что оно отображает. Оно подает «сам», так сказать, «абсолютная самость» (*Ibid.*). В этом случае мы могли бы говорить даже о «чистом восприятии», хотя понятно, что Гуссерль готов усматривать возможность такого восприятия лишь для восприятия внутреннего (интроспекции). Истину и очевидность можно назвать «функциями» вполне удавшегося восприятия: «подразумевание ориентировано на вещь, но оно достигнет или не достигнет своей цели в зависимости от того, будет ли оно согласовано с восприятием, или нет» [4, S. 650].

* * *

Подведем некоторые итоги. Согласно замыслу Гуссерля, феноменология прежде всего должна была стать основой для всех частных наук, и потому в ней должны быть смоделированы не только механизмы общенаучного уровня (логика и ее роль, общие механизмы познавательной деятельности), но также и показано, как «работает» человеческое сознание на уровне, предшествующем научной теории. Этот уровень Гуссерль называет допредикативным. Анализ восприятия – главный проблемный блок этого уровня, необходимо вычленение его инвариантных структур. Если фактические находки, совершенные Гуссерлем в исследовании проблемы восприятия дали импульс многим мыслителям, начиная от геттингенских учеников, а в последующие десятилетия – М. Мерло-Понти и А. Гурвичу, то сам подход радикально противоречит герменевтическим трактовкам феноменологии. Так, например, для Хайдеггера структуры, фундирующие научную теорию, скорее следует искать в области практического, вовлеченно-заинтересованного обращения с вещами мира, в котором «созерцание», «восприятие и «мышление» не только не имеют никакого приоритета перед практическим, но и фактически не проявлены [17, с. 147; с. 148 сл. <§32, 33>].

Таким образом, проблема восприятия у Гуссерля оказывается на пересечении сразу нескольких узловых тем его феноменологии: 1). Она является для философа точкой отсчета для всех познавательных актов, которые он рассматривает (образное сознание, фантазия, воображение). 2). Восприятие является важнейшим элементом для разьяснения природы истины и очевидности, а также идентичности объекта; довольно долго Гуссерль использует найденную им в 1904–1909-х гг. связку «восприятие–образное сознание–фантазия–время» в качестве инструментария для решения вопроса интересубъективности. 3). Восприятие становится для Гуссерля также и началом разьяснения происхождения научной теории (через «внимание», «интерес»).

Примечания

* Один из гуссерлевских фрагментов о восприятии («*Ausarbeitungen zur Schrift “Über Wahrnehmung”*» [13, S. 327 ff.]); согласно предположениям издателей, текст относится к концу 1911– началу 1912 гг. (Здесь и далее все курсивы [Гуссерль их обычно не использует кроме случаев выделения важных терминов] мои. – *И.М.*).

** Этим методом Гуссерль продолжает пользоваться и впоследствии. Так, например, в лекциях 1907 о вещи ему приходится временно ограничиваться восприятием в отвлечении от проблемы времени, «занимается так называемым неизменным восприятием (и соответственно «неизменной предметностью»)), пока не приходит черед учесть также и то, что определенная длительность присуща и самому восприятию. Ср. [11; 61 ff]; ср. изложение в: [25].

*** Впрочем, уже в «Логических исследованиях» Гуссерль широко пользуется выражениями «*leibhaftige Selbstheit*» («живая самость») [3, S. 359] / [Гуссерль 2011, С/ 320] для характеристики полноты данности нам объектов (ср. также [3, S. 365, 511, 769].

**** Во 2-й книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль использует термины «аппрегензия» и «аппрезентация» как синонимичные. С уже знакомыми примерами мы почти без изменений сталкиваемся и в более поздних работах. «Такая аппрезентация имеет место уже во внешнем опыте, поскольку передняя сторона некой вещи, собственно увиденная нами, постоянно и с необходимостью аппрезентирует ее тыльную сторону и заранее очерчивает более или менее определенное содержание последней» («Картезианские медитации», § 50). Особенно же часто термин аппрезентация используется, когда речь идет о восприятии чужой индивидуальности (см. там же, §§ 50–53). Аппрезентация при восприятии объектов в обычном восприятии и аппрезентация в опыте «другого», впрочем, различны. Необходимость термина объясняется, возможно, тем, что Гуссерль – о чем бы он ни говорил – стремится различать *собственные* и *не-собственные модусы* данности (см. п. 7).

1. *Husserl E.* Bd.: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1. Halbband. Text der 1.-3. Auflage // *Husserliana* Bd. III/1 / Neu hg. v. K. Schuhmann. Dordrecht: Kluwer, 1976.
2. *Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie // *Husserliana* Bd. VI / Hrsg. von Walter Biemel. 2., verb. Auflage. Den Haag, 1976.
3. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Buch 2: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis T. 1 // *Husserliana*. Bd. XIX/1 / Hg. v. U. Panzer. Dordrecht, 1984.
4. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. T. 2: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis // *Husserliana*. Bd. XIX/2 / Hg. v. U. Panzer. Dordrecht, 1984
5. *Husserl E.* Aufsätze und Vorträge (1911–1921) // *Husserliana*. Bd. XXV. Dordrecht, 1986.
6. *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten 1918–1926 / Hg. v. M. Fleischer. // *Husserliana*. Bd. XI. 1966.
7. *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlaß. Erster Teil: 1905—1920 / Hg. v. I. Kern. // *Husserliana*. Bd. XIII. 1973
8. *Husserl E.* Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925 / Hg. v. W. Biemel // *Husserliana*. Bd. IX. Den Haag, 1962.
9. *Husserl E.* Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins (1893—1917) / Hg. v. R. Boehm // *Husserliana*. Bd. X. Den Haag, 1966.
10. *Husserl E.* Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906–07 / Hg. v. U. Melle // *Husserliana*. Bd. XXIV. Dordrecht, 1984.
11. *Husserl E.* Ding und Raum // *Husserliana*. Bd. XVI. Den Haag, 1973.
12. *Husserl E.* Aktive Synthesen: Aus der Vorlesung “Transzendente Logik” 1920/21. Ergänzungsband zu “Analysen zur passiven Synthesis” // *Husserliana*. Bd. XXXI. / Hg. v. Roland Breeur. 2000.
13. *Husserl E.* Wahrnehmung und Aufmerksamkeit // *Husserliana*. Bd. XXXVIII. Dordrecht, 2004.
14. *Husserl E.* Allgemeine Erkenntnistheorie. Vorlesung 1902/03 // *Husserliana* Dokumente. Bd. II/3: Dordrecht, 2001.
15. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова; Вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009.
16. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т.2. Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М., 2011.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М., 1997.
18. *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Bd. V: Die geistige Welt. Göttingen, 1990.
19. *Conrad T.* Über Wahrnehmung und Vorstellung // *Münchener Philosophische Abhandlungen*. Leipzig, 1911. S. 51–76.
20. *Katz D.* Die Erscheinungsweisen der Farben und ihre Beeinflussung durch die individuelle Erfahrung. Leipzig: J.A. Barth, 1911.
21. *Landgrebe L.* Der Weg der Phänomenologie. Gütersloh, 1963.
22. *Schapp W.* Beiträge zur Phänomenologie der Wahrnehmung. Göttingen, 1910.
23. *Spiegelberg H.* The Phenomenological Movement. A Historical Introduction. Vol.1–2. Den Haag, 1971.
24. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб., 1999.
25. *Мотрошилова Н.В.* Учение Гуссерля о вещи, восприятии, пространстве // Историко-философский ежегодник’98. М., 2000. С. 301–329.